ФИЛОСОФИЯ И ЭТИКА ПРАВА

DOI: 10.17803/1994-1471.2023.146.1.030-042

В. М. Артемов*

Нравственное измерение права как фактор восходящего развития общества и защиты прав человека в условиях новых технологических угроз

Аннотация. Обосновывается историческая и логическая необходимость нравственно-философского измерения права в форме этической экспертизы прикладных проблем и ситуаций (особенно применительно к праву), возникающих в условиях новых технологических угроз. Речь идет о парадигме восходящего развития общества и защиты прав человека не в аспекте индивидуалистической доминанты западного типа, а в русле приоритета сохранения, развития и совершенствования общества в целом в направлении высокого идеала, предполагающего восстановление справедливости на основе истинных знаний реального положения дел. Проводится мысль о том, что необходимым условием этого выступает добрая воля тех, кто выполняет столь востребованную обществом работу. Дается конкретизация ее методологии, понимаемой в широком смысле слова, когда этика рассматривается в качестве вершины философии. Автор заключает, что стратегия усиления нравственности в праве и не только востребована, даже спасительна, для общества и каждого из нас. Нравственность является таким феноменом, с которым нужно постоянно и целенаправленно работать.

Ключевые слова: нравственно-философское измерение права; этическая экспертиза; восходящее развитие общества; права человека; восстановление справедливости; истина; добрая воля; методология в широком смысле слова; оптимизм; этика как вершина философии.

Для цитирования: Артемов В. М. Нравственное измерение права как фактор восходящего развития общества и защиты прав человека в условиях новых технологических угроз // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 1. — С. 30–42. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.146.1.030-042.

Благодарности. Публикация подготовлена в рамках реализации проекта «Приоритет-2030» Центра компетенций «Социоправо» Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

© Артемов В. М., 2023

* Артемов Вячеслав Михайлович, доктор философских наук, профессор кафедры философии и социологии Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), научный руководитель философско-правового клуба «Нравственное измерение права»
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
vyach_artemov@mai.ru

An Ethical Dimension of Law as a Factor of Upward Development of Society and Human Rights Protection in the Context of New Technological Threats

Vyacheslav M. Artemov, Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Department of Philosophy and Sociology, Kutafin Moscow State Law University (MSAL); Research Supervisor, Philosophical and Legal Club «Moral Dimension of Law»
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
vyach_artemov@mai.ru

Abstract. The study elucidates historical and logical necessity of an ethical and philosophical dimension of law in the form of an ethical examination of applied problems and situations (especially in relation to law) arising in the context of new technological threats. The author dwells on the paradigm of the upward development of society and protection of human rights not in the context of an individualistic dominant of the Western type, but in the context of priority of preserving, developing and improving society as a whole in the direction of a high ideal that presupposes restoration of justice based on true knowledge of the real state of affairs. It is suggested that the goodwill of those who perform the work demanded by society constitutes the necessary condition. The paper describes the specification of its methodology understood in the broad sense of the word, when ethics is considered as the pinnacle of philosophy. The author concludes that the strategy of strengthening morality in law is not only in demand, even salutary, for society as a whole and for every one. Morality is such a phenomenon that you need to constantly and purposefully work with.
Keywords: moral and philosophical dimension of law; ethical expertise; upward development of society; human rights; restoration of justice; truth; goodwill; methodology in the broad sense of the word; optimism; ethics as the pinnacle of philosophy.

Cite as: Artemov VM. Nравственное измерение права как фактор voskhodyashchego razvitiya obshchestva i zashchity prav cheloveka v usloviyakh novykh tekhnologicheskikh ugroz [An Ethical Dimension of Law as a Factor of Upward Development of Society and Human Rights Protection in the Context of New Technological Threats]. Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2023;18(1):30-42. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.146.1.030-042. (In Russ., abstract in Eng.).

Acknowledgments. The study was carried out within the framework of «Priority-2030» Strategic Academic Leadership Program (“Socio-Law” Center of Competence, MSAL).

Практически вся история нашей страны, включая, разумеется, и советский период, свидетельствует о непреложной истине о том, что своеобразным способом ее существования в конечном счете всегда выступала именно духовно-нравственная парадигма как смысл и ориентир восходящего развития во всех сферах общественной жизни, преимущественно духовной. В известной мере это относится и к такому мощному государственному институту, как право. Не случайно, к примеру, даже некоторые из тех, кто может быть отнесен к известным представителям русского классического анархизма, особенно Л. Н. Толстой и П. А. Кропоткин, в периоды их оптимистических социальных поисков связывали с правом определенные надежды в плане обеспечения порядка в обще-

стве. Как известно, первый одно время учился на юридическом факультете Казанского университета, другой, обучаясь в элитном пажеском корпусе, мечтал о некоем «всемирном праве» будущего.

Вообще, в этой связи следует подчеркнуть: одной из ключевых характеристик русской философии, да и культуры в целом, выступает практически-нравственная ориентация. Именно она предполагает человеческое, то есть гуманистическое, измерение, но не в аспекте индивидуалистической доминанты западного типа, а в русле приоритета сохранения, развития и совершенствования общества в направлении идеала. Так, Л. Н. Толстой «был историчен, например, в том, что допускал оправданность государственного насилия для определенного времени (“мо-

жет быть, что для прежнего состояния людей было нужно государственное насилие, может быть, оно нужно еще и теперь”)»¹. Но по-своему примечательна и такая мысль П. А. Кропоткина: «Нужно, чтобы какие-нибудь величественные события внезапно прервали нить истории, выбросили человечество из колеи, в которой оно завязло, и толкнули его на новые пути — в область неизвестного, в поиски за новыми идеалами»². Думается, здесь вырисовывается, условно говоря, путь показывающего вверх Платона, а не обращенного только вниз, к земле, Аристотеля. Возможно, необъятные земные просторы Руси-России были и так очевидны, поэтому всегда хотелось обустроить их наилучшим, а не просто каким-нибудь более-менее простым, тем более примитивным образом.

На мой взгляд, наблюдающийся в настоящее время технологический, особенно цифровой, скачок во многих сферах социальной, да и индивидуальной жизни зачастую свидетельствует именно о стандартизации и своеобразной примитивизации устройства последней, а не о каких-то попытках сделать ее более защищенной, а самих людей — уверенными в собственных силах и возможностях на достаточно дальнюю временную перспективу. Конечно, имеются бесспорные и многообещающие технологические достижения, которые находятся, что называется, в тренде времени и серьезным образом влияют на повышение нашего потенциала развития. Но, увы, есть и обратная сторона технологического прогресса, проявляющаяся, в частности, в абсолютизации самих по себе технологий, в так называемом человеческом факторе негативного типа (невнимательность, безразличие и равнодушие к человеческим и социальным проблемам, грубость, неэтичность и т.п.). В общем соглашаясь, к примеру, с достаточно утешительным заключением некоторых авторов о том, что «хотя в ближайшие десятилетия в процессе киборгизации возможны радикальные прорывы, всё же он не зайдет чрезмерно

далеко»³, важно не расслабляться: общество могут поджидать опасности не от самих технологических новшеств, а от непродуманных действий тех, кто, испытывая «головокружение от успехов» технологического типа и не обладая должным уровнем разума и нравственности, будет слишком торопить события, ставя на место интересов самих человека и общества какие-либо собственные корыстные соображения, идя на поводу тех или иных отдельных корпораций и меньшинств.

Именно в этой связи актуализируются задачи не только неуклонного воспроизводства и усиления нравственности во всех сферах общественной жизни и деятельности, но и целенаправленной, последовательной и в известном смысле бескомпромиссной этико-философской экспертизы конкретных решений и действий в тех сферах профессиональной деятельности, которые имеют прямой выход на человеческие потребности, интересы и ценности с точки зрения культивирования того, что выступает в качестве своего рода духовных скреп общества, а значит, способствует его сохранению, развитию и совершенствованию в направлении идеала.

Одной из важнейших социокультурных скреп всегда выступала и выступает идея справедливости. История свидетельствует, что это имеет прямое отношение к праву, основная миссия которого и заключается в восстановлении справедливости в самом широком смысле слова. Разумеется, в разнообразных частных случаях речь должна идти о разных уровнях и формах выполнения указанной миссии. В любом случае последняя выступает в качестве путеводной звезды или идеала. Конкретизируя, можно выделить такие уровни, как, во-первых, индивидуальный, когда невиновный человек оправдывается, а виновный несет соответствующее наказание, определяемое как многоаспектными и тонкими моральными соображениями, так и формальными пунктами законов и правовых норм; во-вторых, социально-групповой, пред-

¹ См.: Гусейнов А. А. Великие моралисты. М.: Республика, 1995. С. 227.

² Кропоткин П. А. Этика. Избранные труды. М.: Политиздат, 1991. С. 387.

³ Гринин Л. Е., Гринин А. Л. От рубли до нанороботов. Мир на пути к эпохе самоуправляемых систем (история технологий и описание их будущего). М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель», 2015. С. 373.

полагающий некие конфликты, в основном экономического типа (например, некачественные товары и услуги, несвоевременная выплата заработной платы и т.п.); в-третьих, собственно социальный, выходящий на условия жизни и деятельности общества в целом не только применительно к настоящему, но и к будущему (так, нельзя не сослаться на недавнее всенародное обсуждение и принятие поправок к Конституции РФ).

Имея в виду множество разнообразных аспектов целенаправленного и последовательного выполнения указанной выше правовой миссии с позиций комплексного учета реальных и перспективных социокультурных потребностей и интересов, важно осуществлять постоянную, а не только фрагментарную или выборочную нравственно-философскую экспертизу соответствующих теории и практики, законов и их правоприменения. По существу, речь идет о многоаспектном, преимущественно нравственном измерении права, что называется, заточенном как на теоретическую, ценностно-мировоззренческую работу, так и на методологию его углубленного анализа и осмысления.

Налицо ситуация необходимости целенаправленного развертывания адекватной теории в методологию, настоящего — в будущее. В этой связи стоит задача конкретизации указанной методологии, причем понимаемой в широком смысле слова: речь пойдет не только об онтологически-гносеологическом, но и об этико-аксиологическом инструментарии, играющем, по существу, стержневую роль.

Прежде всего, следует особо подчеркнуть в известном смысле необходимое условие успешности указанной экспертизы. Это добрая воля тех, кто ее осуществляет, ощущая и понимая значимость объективного анализа той или иной ситуации, проблемы или качества кем-то выполненных функций применительно к социально востребованным видам деятельности.

Далее идут различные, но органично связанные между собой собственно теоретико-методологические требования, выполнение которых призваны обеспечить должный уровень фундаментальности столь важной для социального целого и каждой конкретной его

части нравственно-философской экспертизы. К ним следует отнести следующее:

1. Максимальная объективность подхода к наличному положению дел, включая мотивацию тех, от кого зависит качественное исполнение тех или иных видов деятельности в русле соответствующей профессиональной миссии, значимой для общества.

2. Всесторонность и системность их рассмотрения на предмет отсутствия каких-либо необходимых звеньев в общей цепи решения тех или иных взаимосвязанных проблем и ситуаций.

3. Выявление лишних слов и действий, не только не способствующих благоприятному течению дел, а явно мешающих этому, уводящих в сторону от восстановления справедливости, помощи конкретным людям, тем или иным группам и обществу в целом.

Важным моментом любой экспертной оценки выступает фактический учет собственно человеческого присутствия в той или иной ситуации. Речь, в частности, идет, во-первых, о реальной *мотивации*, которой в действительности руководствуется в профессии работник. Здесь возможны совершенно разные, даже противоположные позиции мировоззренчески-ценностного плана: от простого формального исполнительства для банального зарабатывания денег в русле элементарного ремесла до глубинного ощущения и всестороннего понимания миссии профессии в аспекте сущностного понимания потребностей и интересов общества, которые и определяют содержание указанной миссии. Так, применительно к юридической деятельности в качестве последней выступает последовательное и бескомпромиссное восстановление справедливости.

Всякого рода отступления от этого дискредитируют не только тех, кто не чувствует и не понимает значимости последней, но и право как социальный институт. В свою очередь, подобное положение вещей, по существу, подпитывает то, что принято называть правовым нигилизмом. Разумеется, это крайность, но ведь своего рода метафизические крайности в конечном счете сходятся: ремесленничество предпринимательского типа в данной области практически имеет, так сказать, на выходе (как следствие) социаль-

ный протестный эффект в виде указанного нигилизма. Соответственно, чтобы он не имел под собой реальной основы, как раз и требуются регулярные и последовательные шаги в плане ценностно-мировоззренческого, теоретико-методологического обеспечения удовлетворения указанной выше социокультурной потребности в поддержании должного уровня справедливости.

В этой связи важно иметь в виду, во-первых, должный уровень университетской подготовки будущих юристов. Так, незаменимым и требующим постоянного внимания является квалифицированное преподавание, прежде всего, таких дисциплин, как «Философия» и «Профессиональная этика». Во-вторых, содержание и форму исполнения каких-либо функций, в результате чего становится вполне очевидной изначальная ущербность указанной выше мотивации. К примеру, по существу, саморазоблачением выглядит активность, условно говоря, ремесленников от юриспруденции, которые занимаются не чем иным, как предпринимательством, спекулируя на реальных проблемах экономического и социально-правового порядков. В-третьих, нельзя не учитывать собственно результаты соответствующей излишней активности: именно она и должна стать одной из первоочередных целей требуемой и социально востребованной экспертизы. «Бежать впереди паровоза», то есть впереди самого общества в лице заинтересованных в справедливости людей, чревато дурной бесконечностью корпоративных интересов в ущерб социокультурным интересам целого и каждой из его частей (конкретных людей). Именно они как раз и находятся в ведении философии и этики, по определению прицельно их изучающих и представляющих.

Думается, что социально-нравственную сущность права так или иначе ощущают и понимают не только профессионально подготовленные философы и этики, тем более специализирующиеся на проблемах философии и этики права,

но и философствующие юристы с нравственным потенциалом, проявляющимся в повышенной социальной ответственности. Классический пример — это деятельность великого юриста А. Ф. Кони. В этой связи обращает на себя внимание и достаточно смелая позиция доктора юридических наук, профессора И. А. Клепицкого, высказанная, к примеру, в недавно опубликованной статье «Существует ли хозяйственное уголовное право?». Утверждая, что «хозяйственное уголовное право — это свершившийся факт, часть правовой действительности», автор далее практически проводит социально ориентированную экспертизу нынешней ситуации в праве: «Нормы хозяйственного уголовного права внедряются в наше время повсеместно, в том числе с помощью международных организаций, в том числе и в России», где «они в значительной мере чужеродны и непонятны, нередко... неправильно трактуются и применяются...»⁴.

Увы, есть и иные варианты рассмотрения некоторыми юристами важных аспектов социокультурного бытия, в том числе применительно к прошлому, которое, кстати, по существу, является органичной частью настоящего, разумеется, в духовно-ценностном отношении. Если кто-то неоправданно бросает камни в прошлое или в конкретных его представителей, то так или иначе это задевает каждого из тех, кто продолжает высоко ценить их, имея в виду реальный вклад в сохранение и развитие культуры. Так, к числу бесспорных духовно-нравственных авторитетов и великих моралистов нашего отечественного, да и мирового, масштаба относится Л. Н. Толстой. Но вот во время минувшей экзаменационной сессии с удивлением узнал от студентов, что с точки зрения права Л. Н. Толстой позиционируется в качестве «нигилиста». Даже на первый взгляд абсурдным видится обвинение его в «отрицании общепринятых ценностей, идеалов, моральных норм, культурных традиций и т.п.»⁵. В данном случае, думается, допущена известная

⁴ Клепицкий И. А. Существует ли хозяйственное уголовное право? // Предпринимательское право. 2022. № 1. С. 8.

⁵ Именно так определяется нигилизм в одном из достаточно серьезных научных изданий: Философский энциклопедический словарь. 2-е изд. / ред. колл.: С. С. Аверинцев, Э. А. Араб-Оглы [и др.]. М. : Советская энциклопедия, 1989. С. 421.

методологическая ошибка, а именно выбран очень узкий критерий — отношение к праву, государству и, как можно предположить, к церкви. Корректнее было бы отнести русского философа к феномену классического анархизма⁶. А так получается, что попросту игнорируется то известное обстоятельство, что Лев Николаевич является бесспорной духовно-нравственной величиной и абсолютной ценностью в русской культуре и не только. Ничего, кроме запутывания студентов и разного рода недоразумений, такой односторонний, сугубо отрицательный подход не приносит. Налицо крайнее, сугубо юридизированное упрощенное видение подлинного положения дел, что означает шаг назад с точки зрения философии и этики. Между прочим, подобным образом относились к великому подвижнику его идейные противники справа в конце XIX — середине XX в. Так, известны безосновательные обвинения классика якобы в «незнании жизни» со стороны сторонника «сопротивления злу силою» И. А. Ильина.

К слову сказать, быть «зеркалом русской революции» (в интерпретации В. И. Ленина, тоже, кстати, желавшего стать юристом) совсем не значит быть нигилистом. Более того, во многом великий русский философ и писатель был консерватором в хорошем смысле слова. Ведь классический вариант анархизма, который он представлял, ратует именно за нравственный порядок и уважение ко всему разумному. Что же тут нигилистического?

Получается, что, например, отрицатель всего традиционного и певец идеи сверхчеловека Ф. Ницше уравнивается с нашим великим моралистом, для которого естественный человек, справедливость, добро относятся к абсолютным ценностным приоритетам. На чем же будет стоять теория права, если ее представители сторонятся нравственного фундамента, подменяя его сомнительными утверждениями о якобы изначальной «доброте» закона и государства. Откуда она возьмется, если первый суров, а второе всегда зиждется на политической власти с ее жесткими классово-групповыми интересами

и аппаратом принуждения? Всегда требуется целенаправленная и неустанная работа по культивированию нравственности, чтобы право и государство были всё гуманнее и справедливее. Если же право и нравственность смешивается, да еще с акцентом на мощь самой по себе силы принуждения, то в результате из права выхолащивается то, на что оно по определению должно опираться, что должно целенаправленно и предметно защищать.

Результатом такого одностороннего юридизма может стать безграничный формализм и терпимость по отношению к разнообразным проявлениям зла, включая безответственность, беспринципность и несправедливость. Выявление последних находится в ведении именно нравственно-философской экспертизы, которую по определению невозможно заменить какими-то формальными процедурами и бездушным соотношением с тем, что записано в законах и юридических нормах, даже в «этических кодексах», если они принимаются формально и не совершенствуются на строго нравственных принципах.

В общем, право только тогда может достаточно эффективно работать, когда в нем, условно говоря, предварительно поработали нравственные чувства, включая совесть, а также собственно теоретический уровень самой нравственности, то есть этика. При ее отсутствии право может стать бесправием, прикрываемым ширмой легальности. Даже из новейшей истории примеров можно привести множество. Из самых вопиющих — это фашистская Германия конца 30-х — середины 40-х гг. прошлого века, бандеровский режим в сегодняшней Украине. Получается, что правовой максимализм, а по сути — жесткий механизм бесправия, подпитывает правовой нигилизм в социуме. Долго с подобным положением вещей общество не может мириться и обязательно заявит об этом и что-то предпримет. Но в любом случае подобные ситуации вредят не только обществу, но и самому праву как праву.

⁶ Автор статьи в своей докторской диссертации на примере М. А. Бакунина, П. А. Кропоткина и Л. Н. Толстого развернуто обосновывает именно такое положение дел.

В этой связи нельзя не обратить внимание юридизированное «обоснование» якобы изначальной ущербности общества и общественности как феноменов и понятий. В числе аргументов в защиту подобных выпадов в сторону того, что и составляет основы института права, есть загадочное требование на некую «публичную легальность» применительно к тем, кто так или иначе выступает от имени общества и ответственности. Получается, что общество сводится к разнообразным мнениям групп общественности и одиночек, которые по определению не следует и учитывать. Напрашиваются точные и глубокие слова классика, имеющие не только исторический, но и теоретический смысл: «Не правительственные указы уничтожили избивание детей, пытки, рабство, а изменение сознания людей вызвало необходимость этих указов»⁷.

Применительно к обществу крайности, конечно, возможны, особенно учитывая нынешнюю интернет-цифровую реальность, когда зачастую никто ни за что не отвечает; но не следует, как говорится, с водой выплескивать и ребенка. Подобное происходит, когда в ситуацию взаимодействий между людьми вмешивается некая «третья сила» — либо некая абсолютная государственная власть, либо какая-либо метафизическая идея в лице ее рьяных сторонников, либо то и другое вместе. Известный «Левиафан» Т. Гоббса — типичный пример демонстрации указанной «силы», за которой, по существу, стоят те же люди, но взятые почему-то с некоей желаемой для мощного государства-чудовища стороны, то есть их «соглашательства», ведущего к так называемому общественному договору. Гипотетическая возможность и тем более прочность последнего сомнительны, ибо сам человек изначально объявляется «злым» по своей природе. Зато такая позиция удобна тем, кто хочет безраздельно властвовать: делая шаг навстречу каким-то людям вообще в плане

признания их абстрактной возможности «договориться», заранее оправдывать любые средства воздействия на них ввиду их якобы природной эгоистичности. В этой связи, думается, до сих пор актуально и такое общечеловеческое наблюдение: «Рассудок часто делается рабом греха — направляется на то, чтобы оправдывать его. Удивляешься иногда, зачем человек защищает такие страшные, неразумные положения: религиозные, политические, научные. Поищи, и ты найдешь, что он защищает свое положение»⁸.

Несколько ближе, если сравнивать с антигуманистической линией Н. Макиавелли и Т. Гоббса, к пониманию социального идеала подошел Ж.-Ж. Руссо, для которого нет изначальной человеческой ущербности, а, наоборот, есть природная склонность к добродетелям; «вследствие этого нравственность объявляется главной и автономной сферой человеческой жизни»⁹. Такая точка зрения, правда, тогда во многом оставалась теоретически спорной, ибо еще не вполне были выявлены глубинные объективные причины человеческой склонности к сотрудничеству и солидарности, к добру, а не злу. Как позднее доказал К. Маркс, всё дело в изначальной общественной природе человека. Отсюда и оправданность перспективной цели — человечности подлинного общества в будущем. Определенный характер общества есть определенный характер общественного человека, и наоборот; «...общество, — конкретизировал К. Маркс, — т.е. сам человек в его общественных отношениях»¹⁰.

В качестве своеобразного теоретико-методологического синтеза указанных выше подходов, думается, выступает этико-философская концепция П. А. Кропоткина. Его этические взгляды зрелого периода характеризуются открытием «вторичной» нравственности, возвышающейся над той, что вытекает из природных начал. Взаи-

⁷ Толстой Л. Н. Закон насилия и закон любви // Толстой Л. Не могу молчать : статьи о войне, насилии, безверии и непротивлении злу / предисл. П. Басинского. М. : Альпина Паблишер, 2022. С. 274.

⁸ Толстой Л. Н. Указ. соч. С. 228.

⁹ Длугач Т. Б. Об общественном договоре // Этика : энциклопедический словарь / под ред. Р. Г. Апресяна и А. А. Гусейнова. М. : Гардарики, 2001. С. 323.

¹⁰ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 46, ч. 2. С. 222.

мопомощь выступает предпосылкой и одним из факторов нравственности. Высший же уровень нравственности связывается как с общим прогрессом в обществе, ведущим к развитию чувства справедливости, равновесного самосдерживания, так и с достаточным развитием личности, «личной творческой силы и почина...»¹¹. Такой принципиально гуманистический подход явно противоречит антигуманизму, да и узко прагматическому варианту объяснения социальных процессов, когда всё в конечном счете сводится к эгоистическому и злему началу, будто бы уже заложенным в человеке.

Вот, к примеру, что пишет П. А. Кропоткин, осуществляя своего рода нравственно-философскую экспертизу происходящего еще в позапрошлом веке: «Таким образом, приписывать промышленный прогресс девятнадцатого века войне каждого против всех, — значит рассуждать подобно тому, кто, не зная истинных причин дождя, приписывает его жертве, принесенной человеком глиняному идолу. Для промышленного прогресса, как для всякого иного завоевания в области природы, взаимная помощь и тесные сношения, несомненно, являются и являлись более выгодными, чем взаимная борьба»¹². Думается, современная ситуация в полной мере подтверждает это, особенно в ситуациях некоего общего дела, ликвидации разного рода очагов природных и социально-политических пожаров. Взаимопомощь и солидарность не только не снижают реальную свободу конкретных людей, а, напротив, дают им шанс проявить ее зрелый, то есть ответственный, уровень. Будучи личностным качеством, подлинная свобода предполагает учет природного и социального равенства людей, непреходящую склонность к тому, чтобы помочь ближнему, преодолеть ту или иную несправедливость и т.п. По существу, подлинная свобода реализуется в том числе и в социально значимых критически-экспертных усилиях — в той мере, в какой естественно разворачивается прежде всего социальный потенциал человека. В свою очередь, подобное понимание является своеобразным теоретико-методологическим

ключом к решению проблемы прав человека в новых условиях.

Именно такая парадигма реагирования на социально значимые проблемы особенно востребована. Думается, что в нынешних условиях, когда цифровизация, в чем-то помогая бороться с неожиданно свалившейся на человечество пандемией, сама тем не менее всё больше становится проблемой, ибо не столько сближает людей, сколько фактически разъединяет их, зачастую делая многих заложниками тех, в чьих руках оказываются рычаги управления, условно говоря, цифрой. Тут-то как раз может и должна проявить себя подлинная, развертывающаяся в русле добра взаимопомощь, о которой как о факторе эволюции столь доказательно и убедительно писал П. А. Кропоткин. Именно взаимопомощь выступает фактором, который противостоит злу формализма, крайнего эгоизма и разобщенности. К сожалению, последнее весьма характерно для нынешней модели капитализма, которая, по существу, исчерпала себя, но ее защитники боятся в этом признаться. В известном смысле, таким образом, наступает, а может, уже и наступил переломный момент типа «осевого времени» К. Ясперса, когда нужно было назвать вещи своими именами и, главное, изменить ситуацию к лучшему в направлении подлинного развития и совершенствования не только отдельных институтов, но и всего общества.

В этой связи, думается, не случайно в поздравлении 25 июля 2022 г. работников следственных органов России первым лицом государства было подчеркнуто единство принципов законности и справедливости, а также значимость гуманизации современного права. Важно обратить внимание на историческое и логическое доминирование именно справедливости, ибо сама по себе законность как сугубо юридическая конструкция внутренне предполагает воплощенную в ней справедливость. В противном случае возникает опасность бесправия, а то и беспредела в том или ином государстве, где имеет место какая-нибудь крайность, особенно

¹¹ Кропоткин П. А. Этика. С. 42–43.

¹² Кропоткин П. А. Взаимная помощь как фактор эволюции. М. : Самообразование, 2007. С. 227.

националистического типа. В подобных случаях устанавливается такая «законность», которая существенно расходится или явно противоречит основному нравственному закону в самом широком смысле слова. В результате там ничего не остается от справедливости, которая и составляет своеобразный стержень нравственного порядка в обществе. Имея это в виду, вырисовывается экспертная оценка, к примеру, одного из учебных источников для магистрантов РГУП. Так, его авторы, выделяя «основы делового общения на государственной и муниципальной службе», ограничиваются такими, как законность, целесообразность, взаимоуважение и этикет¹³. Напрашивается вопрос: неужели представители власти не должны рассматривать справедливость в качестве основы?

Осуществляя нравственно-философскую экспертизу, усиливая ее объективность и эффективность, важно разграничивать, во-первых, искреннюю мотивацию и принципиальную устремленность к выполнению основной миссии восстановления справедливости (речь идет о цели); во-вторых, выбранные и реально применяемые средства для достижения последней; в-третьих, конкретные результаты этой социально значимой деятельности в их многообразии и совокупной значимости для государства и общества; в-четвертых, оценки права как функционирующего института со стороны людей и заинтересованных институтов, рассматриваемых в их специфической определенности и внутренней взаимосвязи; и, наконец, в-пятых, отклики на эти оценки и реакции (позитивные и негативные) со стороны самих юристов.

В этой связи представляется важным усиление этико-философской подготовки последних. Участившиеся претензии, что называется, «подвинуть» философию, особенно ее предметную этическую вершину, думается, связаны с боязнью критики каких-то скороспелых поделок технологического типа. Кого-то не устраивают позиции фундаментальной теории, а также проверенная самой жизнью методология и должные мировоззренчески-ценностные ориентиры.

Последним пытаются противопоставить позитивистско-прагматическую линию, привлекающую многих своей внешней «простотой», которая, как говорится, хуже воровства, что особенно опасно применительно к науке. В частности, это проявляется в своевольных заявлениях о том, что биоэтика будто бы не принадлежит к разряду философских дисциплин и якобы может читаться в учебном плане, например медиками или даже юристами. Но жизнь показывает, что они склонны трактовать ее как биоправо.

В действительности же биоэтика оправданно находится в лоне философии, особенно с того времени (начало второй половины прошлого века), когда растерявшиеся перед нестандартными ситуациями врачи обратились за помощью к философам как специалистам, в частности, в поисках разумных, нравственно приемлемых решений с точки зрения интересов человека, общества и государства. Тем не менее, не зная об этом или по разным причинам не желая учитывать настоящий факт, некоторые специалисты в своих областях присваивают себе право говорить от имени биоэтики. Такая позиция не так безобидна, как может кому-то показаться на первый взгляд, ведь биоэтика, исторически и логически находясь на стыке прикладного и профессионального разделов этики как науки, требует соответствующей подготовки, научно-академической квалификации. Не обойтись и без должного уважительного отношения к философии как теоретико-методологическому фундаменту науки и самосознанию культуры в целом.

Нынешняя ситуация, о которой только ленивый не высказался как о совершенно неожиданной, тревожащей и даже переломной, действительно требует от нас особой сосредоточенности и ответственности — в словах и делах. При этом, думаю, категорически неприемлемыми были бы растерянность и тем более панические настроения. Важно ощутить и понять востребованность неординарных решений и действий не только на основе здравого смысла, но и провидческой мудрости, чтобы остановить опас-

¹³ Ершова Н. А., Сергеев Н. В. Профессиональная этика государственного и муниципального служащего : конспект лекций. М. : РГУП, 2021. С. 24.

ность еще худшего развития событий, «повторения 41-го года». Сегодня, как никогда ранее, требуются взвешенные, последовательные и разумные шаги в правильном направлении. Буквально спасительными видятся продуманные, квалифицированные решения и действия настоящих профессионалов во всех сферах социальной жизнедеятельности. Они же, в свою очередь, невозможны без личностных, прежде всего нравственных, качеств профессионалов и не только.

Речь идет не о благом пожелании, а о собственно этико-философском (в профессиональном смысле) выводе. Именно на этике как вершине философского знания практически базируется профессиональная этика фундаментального уровня. Такой подход, во-первых, выстрадан всей историей нравственности, культуры и общества; во-вторых, в полной мере научно и нравственно-философски обосновывается авторитетными мыслителями всех времен и народов, особенно великими моралистами. Поэтому, думается, он стал аксиомой, точнее — незыблемым принципом на социокультурном поле. Подобно языку как материальной основе культуры, нравственность составляет своего рода социокультурный код народа и общества. Размышляя над подобной аналогией, недавно обратил внимание на такой симптоматичный телевизионный сюжет: на передаче «Агора», что на канале «Культура», обсуждалась проблема современного состояния русского языка. Порадовало, что поверхностному и безответственному мнению, согласно которому особых проблем не было и нет и, условно говоря, все изменения хороши сами по себе, просто нужно плыть по течению обыденного сознания, молодежных и иных субкультур, отказываясь между делом и от классики, были противопоставлены обоснованная озабоченность и разумный вывод: основная опасность для общества — непрофессионализм. В полной мере соглашаясь с этим, хочу подчеркнуть, что высокий профессионализм, по существу, выступает квинтэссенцией

нравственности, ибо в конечном счете заточен на сохранение, развитие и совершенствование социального целого как органичного результата синтеза полноценных частей. Особенно это касается сложных сфер деятельности, таких как медицина, образование, управление, политика и, конечно, право.

Реальная же ситуация с последним настаивает. Так, продолжающаяся линия на так называемую либерализацию экономического законодательства и соответствующей практики демонстрирует явный крен в сторону поддержки преимущественно предпринимателей¹⁴, чем бы они ни занимались на самом деле. При этом зачастую даже не упоминается о необходимости усиления защиты прав людей как потребителей тех же самых товаров и услуг, которые как раз производят и предоставляют столь пестуемые государством бизнесмены разных уровней. Налицо опасность практического нарушения социальной справедливости в угоду заигрыванию с одной из социальных групп, к тому же с весьма сомнительной репутацией, особенно учитывая всем известное, ставшее классическим и многократно проверенное самой жизнью выводное суждение о том, что рынок является тем местом, где все друг друга обманывают. Стыдливо его умалчивая и неоправданно предполагая некую кристальную чистоту любого бизнеса, законодатель и правоприменитель, по существу, закладывает, что называется, мину замедленного действия под социальный мир и порядок в будущем. Разумеется, столь же неприемлем и неразборчивый сугубо негативный подход применительно к любому предпринимательству. Требуется внимательный, дифференцированный анализ, исключаяющий любые крайности. И заниматься этим призваны как раз философия и этика в лице их квалифицированных представителей, осуществляющих нравственно-философскую экспертизу социально-экономических и иных проблем.

Для примера можно взять насущную задачу теоретической выработки новой концепции

¹⁴ См.: Минюст предложил убрать 3 статьи УК и не сажать за бизнес без регистрации // URL: https://www.rbc.ru/business/04/08/2022/62ebcd579a7947c8752ba212?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 04.08.2022).

прав человека. Думается, она должна включать в себя абсолютное требование последовательно и полностью соблюдать принцип равенства применительно ко всем гражданам государства, причем даже в тех случаях, когда они по неким серьезным соображениям критикуют те или иные его решения и действия¹⁵. Речь идет о том, что политико-правовой институт по определению не может, точнее — не должен, силой навязывать свою волю, предпочтительны методы убеждения и доброго примера, причем невзирая на возможные экономические потери.

Точкой отсчета выступает то обстоятельство, что не люди существуют для государства, а государство — для людей. Ведь благодаря последним оно и способно планомерно функционировать. Правда, следует особо подчеркнуть, что подобный подход по определению не распространяется на какие-то политико-идеологические структуры крайне националистического типа, желающие каких-либо преференций для неких «избранных», претендующих на исключительность в ущерб другим и за их счет. Именно по этой причине такой тип противоречит самой сути как человеческой сущности, так и идее прав человека в ее классическом понимании. Получается, что в качестве обязательного основания указанного выше права на особый статус выступает ценностная платформа жизнеутверждающего типа, внутренне (логически) и исторически связанная с подлинными достижениями и перспективами в плане сохранения, развития и совершенствования общества в направлении достаточно высокого гуманистического и социального идеала.

Исходя из этого, старается работать кафедральный философско-правовой клуб «Нравственное измерение права», которому исполнилось целых 20 лет. Разумеется, несмотря на значительные успехи, мы не собираемся почитать на лаврах, а планируем и дальше трудиться, причем даже более активно, чем в предыдущие годы. Стратегия усиления нравственности в праве не только востребована, даже спасительна

для общества и каждого из нас. На соответствующих заседаниях, разного рода научных мероприятиях, да и на учебных занятиях по этике со студентами мною, в частности, приводится такая метафора-аналогия: нравственность подобна прекрасному зеленому, условно говоря, нейтральному полю с множеством окультуренной и полезной растительности. И если за этим полем своевременно не ухаживать, то рано или поздно сорняки всё забьют. Иными словами, нравственность является таким феноменом, с которым нужно постоянно и целенаправленно работать. Последнюю можно уподобить и воспитанию ребенка, которое предполагает духовно-нравственное обеспечение его восходящего развития.

Наша деятельность актуализируется еще и потому, что в нынешнем мире имеется серьезный дефицит глубоких, широких знаний и правды как органичного синтеза истины и справедливости. Миссия Университета не только давать последние, но и воспитывать нравственно зрелого, ответственного человека. Сегодня востребованы не какие-то сомнительные «чудо-стартапы», авторы которых, к примеру, подчас абсолютно игнорируют элементарную общечеловеческую мораль и возможные катастрофические последствия реализации предлагаемых «пока еще только концептов». Так, авторы рекламных роликов студенческого стартапа Product design Arnhem с холодностью железных роботов «напирают на то, что биосумка — это очень удобно для женщин: “Можно вырастить себе ребенка без отрыва от карьеры и без вреда для фигуры”»¹⁶. Интересно, кто и как преподавал у них гуманитарные дисциплины, в принципе вращающиеся вокруг живого и нравственно ответственного человека? В определенном смысле этика — это и глаза, и уши, и разум, и сердце самого общества как развивающегося и совершенствующегося целого, состоящего из связанных между собой созидательной деятельностью частей, то есть живых людей с их тонкими и сильными чувствами, потребностями и интере-

¹⁵ В качестве примера можно привести А. А. Зиновьева, который критиковал видимые недостатки в СССР, но, сравнивая его с Западом, потом сам осознал доминирование именно у нас социального конструктива.

¹⁶ См.: Чем дети «из пробырки» отличаются от обычных // Мир новостей. № 30 (1491). 20.07.2022. С. 20.

сами. Пускаться на технологический поток то, что по определению является тайной природы и основой самоидентификации человека, — значит опуститься, что называется, «ниже плинтуса» спасительной нравственности и плыть по течению рыночной стихии со всеми вытекающими из нее последствиями.

В такой ситуации подрывается не только традиционная вера, но и вера в человека и человечество. «Без веры, — пишет Л. Н. Толстой, — люди могут быть руководимы только выгодой, а человек, руководимый только выгодой, не может быть не чем иным, как только обманщиком или обманутым»¹⁷. Происходящее в сегодняшнем мире лишь подтверждает это и серьезно актуализирует задачу поиска

истины применительно ко всем сферам жизни человека и общества. Позиционируемая нами нравственно-философская экспертиза как раз и призвана устранять явный дефицит истины и правды с целью последовательного решения имеющихся проблем в обществе и праве. В известном смысле речь идет о позиции некоего социального оптимизма¹⁸, спасительность которого особенно очевидна в нынешних условиях постоянно освещаемой СМИ «войны всех против всех», которой в действительности нет и быть не может. Добро борется со злом и последнему как раз и выгодно такое мрачное изображение ситуации. Связь зла с корыстью очевидна, а добро бескорыстно и обязательно побеждает.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бауман З., Донскис Л. Текущее зло: жизнь в мире, где нет альтернатив. — СПб. : Издательство Ивана Лимбаха, 2019.
2. Гусейнов А. А. Великие моралисты, — М. : Республика, 1995.
3. Гринин Л. Е., Гринин А. Л. От рубил до нанороботов. Мир на пути к эпохе самоуправляемых систем (история технологий и описание их будущего). — М. : Моск. ред. изд-ва «Учитель», 2015.
4. Длугач Т. Б. Об общественном договоре // Этика : энциклопедический словарь / под ред. Р. Г. Апресяна и А. А. Гусейнова. — М. : Гардарики, 2001.
5. Ершова Н. А., Сергеев Н. В. Профессиональная этика государственного и муниципального служащего : конспект лекций. — М. : РГУП, 2021.
6. Клепицкий И. А. Существует ли хозяйственное уголовное право? // Предпринимательское право. — 2022. — № 1.
7. Кропоткин П. А. Взаимная помощь как фактор эволюции. — М. : Самообразование, 2007.
8. Кропоткин П. А. Этика. Избранные труды. — М. : Политиздат, 1991.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 46, ч. 2. Экономические рукописи 1857–1859 годов. (Первоначальный вариант «Капитала»). — Киев : Политиздат Украины, 1982.
10. Толстой Л. Н. Закон насилия и закон любви // Толстой Л. Не могу молчать : статьи о войне, насилии, безверии и непотворении злу / предисл. П. Басинского. — М. : Альпина Паблишер, 2022.
11. Философский энциклопедический словарь. — 2-е изд. / ред. колл.: С. С. Аверинцев, Э. А. Араб-Оглы [и др.]. — М. : Советская энциклопедия, 1989.

Материал поступил в редакцию 16 августа 2022 г.

¹⁷ Толстой Л. Н. Указ. соч. С. 235.

¹⁸ См.: Бауман З., Донскис Л. Текущее зло: жизнь в мире, где нет альтернатив. СПб. : Издательство Ивана Лимбаха, 2019. С. 281–282.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Bauman Z., Donskis L. Tekuchee zlo: zhizn v mire, gde net alternativ. — SPb.: Izdatelstvo Ivana Limbakha, 2019.
2. Guseynov A. A. Velikie moralisty, — M.: Respublika, 1995.
3. Grinin L. E., Grinin A. L. Ot rubil do nanorobotov. Mir na puti k epokhe samoupravlyaemykh sistem (istoriya tekhnologiy i opisaniye ikh budushchego). — M.: Mosk. red. izd-va «Uchitel», 2015.
4. Dlugach T. B. Ob obshchestvennom dogovore // Etika: entsiklopedicheskiy slovar / pod red. R. G. Apresyana i A. A. Guseynova. — M.: Gardariki, 2001.
5. Ershova N. A., Sergeev N. V. Professionalnaya etika gosudarstvennogo i munitsipalnogo sluzhashchego: konspekt lektsiy. — M.: RGUP, 2021.
6. Klepitskiy I. A. Sushchestvuet li khozyaystvennoye ugolovnoye pravo? // Predprinimatelskoe pravo. — 2022. — № 1.
7. Kropotkin P. A. Vzaimnaya pomoshch kak faktor evolyutsii. — M.: Samoobrazovanie, 2007.
8. Kropotkin P. A. Etika. Izbrannyye trudy. — M.: Politizdat, 1991.
9. Marks K., Engels F. Sochineniya. T. 46, ch. 2. Ekonomicheskie rukopisi 1857–1859 godov. (Pervonachalnyy variant «Kapitala»). — Kiev: Politizdat Ukrainy, 1982.
10. Tolstoy L. N. Zakon nasiliya i zakon lyubvi // Tolstoy L. Ne mogu molchat: stati o voyne, nasilii, bezverii i neprotivlenii zlu / predisl. P. Basinskogo. — M.: Alpina Pablisher, 2022.
11. Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar. — 2-e izd. / red. koll.: S. S. Averintsev, E. A. Arab-Ogly [i dr.]. — M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1989.